К-1486852

ПОЭЗИЯ

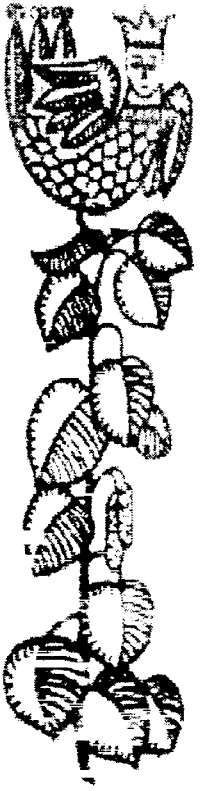
Александр Романов

РС
84(2=411.2)6-5
Р69
+кр
МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛ

СТИХИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

СТОРОЖЕВОЙ ЛУЧ

Спать не могу. Лежу, расстроясь.
Недвижна ночь над головой.
И в глубине сознанья – совесть,
Как будто луч сторожевой.
Откуда он? В окошках звезды.
Их блеск тревожен и могуч.
Но в этот час, глухой и поздний,
Нет, не от них щемящий луч.
Он жгуч. Он будто откровенье.
Он просекает толщи лет.
И чем обиднее забвенье,
Тем сокрушительнее свет.
Из рваной памяти, из боли,
Из мглы ошибочных дорог,
Из дел, которых не исполнил,
Из слов, каких сказать не смог.
Из полуправды, ставшей в горесть,
Из встреч, растрепанных уже.
Всеочищающая совесть,
Как жизни весть, горит в душе.



МАТЬ ПЕРЕД ПОРТРЕТОМ ОТЦА

Вот плачу я, а ты молчишь...
Единственный в судьбе,
Порушь немую эту тишь.
Ведь я — жена тебе.
Ты — молодой, а я-то, я...
Старуха — погляди.
Вот навестили сыновья —
Растаяло в груди.
Давно семейные они,
И ты давненько дед.
Ну, хоть словечко оброни,
Ты их узнал иль нет.
Я твой исполнила наказ,
Все просьбы до одной.
Ребята добрые у нас —
Порадуйся со мной.
Вот станут в клубе выступать
На людях, на виду.
Сказали мне: «Пойдём-ка, мать».

Да я уж не дойду.
С тобой — так мне и час бы лих,
Мы сели б в средний ряд,
Чтобы услышать, что о них
Соседи говорят.
Но ты молчишь, но ты молчишь...
Единственный в судьбе,
Порушь немую эту тишь.
Ведь я — жена тебе.

ЖИЛИ-БЫЛИ...

(отрывок из поэмы «Сыновья»)

«Жили-были дед да баба», —
Сказки сладостный зачин,
Огонёк, мигавший слабо,
Ласка бабкиных морщин.
И теплее одеяла
Добрый голос... Он угас.
Про себя ли вспоминала
Или думала о нас?
...Встанут годы — что колосья.
Взглянем в книжки сыновей:
«Жили-были...» Рассмеёмся.
Надо б что-то поновей.
Сказка, думаем, — забава.
Что бывало — нынче нет.
В сорок лет — какая баба,
В пятьдесят — какой же дед!
Только солнышко жар-птицей,
Хоть и светит горячо,
С твоего плеча садится
На сыновнее плечо.
Вот и сказка. Вот и свадьба.
И, тревожные сперва,
«Жили-были дед да баба»
Сердцу вспомнятся слова.
А невеста, вторя всплеску,
Скинет белую фату,
Глянь, из лебедя в невестку
Превратится на лету.
Словно дочь она отныне.
И любуйся и дивись.
Встанет рядом сын — и в сыне
Муж проглянет. Вот и жизнь.

1486852
ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Сказкой свет её заманчив.
Слышишь, в двери снова стук.
Входит мальчик. Что за мальчик?
«Здравствуй, дед! Я — первый внук».
И в квартире гам, толкучка.
Дверь откроется — и вот:
«Где ты, бабка?» — крикнет внучка
И глазёнками сверкнёт.
И под шорох листопада
Из счастливых детских снов
«Жили-были дед да баба»
Добрый голос молвит вновь.

СОВЕСТЬ

Встаёт до света хлопотунья
И в кухне — как веретено,
Пока ребята: «Бабка Дуня!» —
Не закричат в её окно.
Она их встретит пирогами,
И вновь, довольны и смешны,
Болтают весело ногами
Перед Авдотьей шалуны.
Ей, одинокой, то и надо...
Уйдя на пенсию, она
С поклоном вдруг — к соседкам на дом
И засиделась допоздна.
«Давайте, я понянчусь, бабы, —
Одной сидеть так, право, смерть.
Своих не знала, так хотя бы
С чужими душу отогреть».
Те удивились: нынче редки
Такие речи — ой возьми!
И благодарные соседки
Теперь лепились к ней с детьми.
Они совсем того не знали,
Что у Авдотьи где-то сын —
Её беда, её печали
И тайна скрытая седин.
Ох, шумно молодость кипела!
Родила сына — и в детдом.
И отстучали в ней капелью
Воспоминания о нём.
Как был и не был... Только ныне
Тоскою сердце изошло.

И в дни настигнувших уныний
Лишь от чужих внучат светло.
Придут — накормит пирогами,
И вновь, довольны и смешны,
Болтают весело ногами
Перед Авдотьей шалуны.
Глядит она — и легче вроде,
А убегут, и ляжет спать,
Ей мнится: кто-то в доме бродит,
Толкает старую кровать.
И говорит: «Согрей, промок я» —
И топчется у поставца.
В лицо ему глядит Авдотья
И леденеет: нет лица.
Ну, нет лица — оно туманом
Клубится, уловить нельзя.
Лишь прорезаются стеклянно
Двумя осколками глаза.
И острой болью мрак проколот.
Авдотья вскрикивает: «Сын!»
И просыпается. И холод
Летит с растрепанных седин.
Она срывается с кровати,
Глядит вокруг: сидит одна
И стынет, теменью зажата.
Посёлок спит. В окне луна.
И до утра за думой дума.
Затопит печь, а ледяно,
Пока ребята: «Бабка Дуня!» —
Не прокричат в её окно.

ИКОНОПИСЕЦ-ВОЛОГЖАНИН

Иконописец-вологжанин,
Явивший миру этот лик,
Для нас остался безымянен,
А для художества велик.
Он запирался в скудной келье,
Постился, набожен и строг,
Чтоб огнь, таинственный доселе,
И дух и плоть его возжёг,
И озарялся мастер взором,
И дерзновенной кистью он
Творил свой помысел, в котором
И высь, и твердь, и скорбь времён.

Прекрасный лик, рожденный кистью
На скромном вытесе доски,
Дышал и веял в сердце высью
Среди сует и смут мирских.
Глаза пророчески взывали
И к единенью, и к добру.
И предки наши в час печали
Им отзывались ввечеру...
А годы шли, безбожье сея,
Но, помня путь родной земли,
Из храма веры в храм музея
Икону люди принесли.
Она, как луч забытых сказок,
Людей дивила всякий раз
Движеньем черт, сияньем красок
И глубиною древних глаз.
Вошёл в музей с личиной лунной
И рисовальщик, живший здесь.
Томясь корыстью скудоумной,
Сорвал икону и исчез.
В свою укрывшись мастерскую,
Пришельцу чуждой стороны
Он продавал её — такую,
Которой не было цены.
Он поднимал свой тонкий палец,
По лику древнему скользя.
Грозой и скорбью наливались
Заполонённые глаза.
Из мглы времён, из дальней дали,
Преодолев за веком век,
Они как будто вопрошали:
«Сё человек?..» О, человек!..

* * *

Ах, свадьбы шумные! Едва ли
Найдётся что-то веселей...
Мы на чужих с тобой бывали,
Но не бывали на своей.
В ту пору, не придав значенья,
Без свадьбы начинали жизнь.
И к нам тогда на чай вечерний
Лишь очень близкие сошлись.
Ну, упрекнуть бы нас хотя бы
Иль намекнуть: мол, как же так?

Нельзя, соколики, без свадьбы,
Она, представьте, — не пустяк.
...Жизнь чередом пошла не сразу,
Но обижаться нам нельзя:
Своей любви мы знали праздник —
Пусть позавидуют друзья.
Однако тихою досадой
В душе уже который год
Несостоявшаяся свадьба
Всё ощутимее живёт.
Она как будто где-то рядом
С цветами, музыкой, вином.
И так она доступна взгляду,
Что кажется: вот-вот придём.
Нас заждалась она, такая,
Пускай нешумная — своя.
Уже наполнены стаканы,
И собрались уже друзья,
И это чувство всё сильнее,
И мы с тобой чего-то ждём.
...Ты для меня ещё роднее,
Ещё дороже с каждым днём.
И для тебя я сделать рад бы
Всё, что сумею и смогу.
И лишь в огнях и песнях свадьба —
На недоступном берегу.

ИМЯ ВЫБРАЛИ ИВАН

Кто сказал, что это имя
Молодецкое — Иван
Вдаль ушло невозвратимо,
Закатилось в синь-туман?
Нет, вовеки не исчезнет!
И, как слава россиян,
Будет в сказке, будет в песне,
Будет в мире жить Иван!
Вот и сын в порыве славном
Новорожденного взял
И его назвал Иваном,
В память прадедов назвал.
Как звучит оно, послушай,
Это имя по слогам:
Ваня, Ванечка, Ванюша,

А Ванюша машет нам
И улыбкой сердце греет.
Наша радость — через край.
Подрастай, дружок, скорее,
Крепко на ноги вставай!
В жизни трудно. В мире сложно.
Путь распахнут далеко.
Что же истинно? Что ложно? —
Разобраться нелегко.
Но твои наступят полдни,
Возмужаешь и поймёшь.
Только чей ты родом — помни,
Помни — душу губит ложь.
И тогда найдутся силы
Все осилить рубежи.
Честь родительской России
Высоко, Иван, держи.

ЗАСТОЛЬЕ

Прабабушка да бабушка, да внучка
Сидят среди застолья одного.
И самовар, как золотая тучка,
Плывёт поверх столетия всего.
Столетие — да это наши лица!
Одно потускло в долгой худобе,
А улыбнётся — будто прослезится
И вновь замкнётся пасмурно в себе.
Другое, освежённое загаром
И чуть помолодевшее с утра,
Прояснено в тиши и в доме старом
Тревожным пониманием добра.
А рядом с ними — о, лицо младенца!
В глазах огромных можно наяву,
Век провожая, сердцем отогреться
И дней иных увидеть синеву.
Дитя смеётся, розовеет, веет
И солнышком, и небом, и травой,
И ничего пока не разумеет,
В каком столетье крутит головой.
Прабабушка задумчиво взирает,
И не скрывает бабушка тревог,
А внучка веселится да играет
Да уплетает праздничный пирог.

И тянется то к пасмурному лику,
То к тихому усталому лицу...
Двадцатый век, и грозный, и великий,
Вот и в застолье движется к концу.

* * *

Меня, себя заденешь ли —
Вся память в узелках:
Заботы да безденежье,
Да дети на руках.
Упрёки запоздалые,
Ревнивые твои,
Как в поле воды талые,
Кипят поверх любви.
Да, мало было помощи,
Да, было много дел...
А помнишь ли, а помнишь ли,
Как я к тебе летел?
По городу по Вологде
Трескучею зимой
Летел в полночном холоде
В рубашке раздувной.
В одной рубашке ситцевой
Без шапки и пальто.
Не свистнула милиция,
Не задержал никто.
И вот у тихой звонницы,
Где вечность замерла,
Где между звёзд покоятся
Седые купола,
Тебя увидел издали,
Как на краю земли.
В печали губы выстыли,
Глаза изнемогли.
И вспыхнул мир заснеженный!
Твой шёпот я ловлю:
«Простудишься, ой, бешеный,
Ведь я тебя люблю».
И загудели медленно.
Как будто спала мгла,
Серебряные, медные
Во мне колокола.
И с поднебесной Вологды

Поплыл венчальный снег.
Мы счастливы, мы молоды,
Мы избраны навек!..

* * *

Метель, дорогу бодая,
Скользит, наскочив на лёд.
А женщина молодая
На санках сына везёт.

У нас в душе холодает
И стужей тянет с бород,
А женщина молодая
На санках сына везёт.

И, эту даль покидая,
Оглянемся в свой черёд.
А женщина молодая
На санках сына везёт.

И в долгой метели веют
Здоровьем русской зари
Над санками и над нею
Красные снегири...

* * *

За окном всю ночь кипело,
Стих наутро снегопад.
Всюду стаи белых белок
На еловых ветках спят.
А вздохнут во сне деревья,
Белки ухнут с высоты,
Распушив широковейно
Серебристые хвосты.
И в падении истают,
А осыплются вразлёт
Лишь морозные кристаллы
Ослепительных высот.
И меня окатит свежесть,
Будто молодости вихрь.
Улыбнусь я и утешусь
В долгих горестях своих.
На себя взгляну иначе,
Подведу в душе черту:

Всё, что важно, обозначу,
Что не важно — отмету.
И в игре теней и света,
Как бы ни были близки,
Вспомню тех, кого уж нету,
Здесь впервые без тоски.
Вспомню в первый раз без боли
И почувствую, что сам
Переполнен весь любовью
К людям, к миру, к небесам.
Меж ушедших и живущих
Я — единое звено.
Счастлив я, что в мире сущем
Мне ещё любить дано...
Снег горит на косогоре,
И прозрачно стынет тишь.
Издалека слышен говор
И поскрипыванье лыж.
Жду. Смотрю. Проходят двое
И уводят за собой
Что-то чистое такое,
Будто полдень голубой.
Я шепчу им вслед: счастливо!
И скрываются они.
Плещут солнечные ливни
В потайные две лыжни.

КОЛЕСО РОДСТВА

(отрывок из поэмы «Чёрный хлеб»)

В нашу речь встаёт всех проще,
Чтоб родством сердца вязать,
В ряд со строгим словом «тёща»
Удалое слово «зять».
А ведь есть других-то сколько!
Веют древностью глухой
И теплом «свекровь» и «свекор»
Вместе с тихою «снохой».
Соотносится с доверьем
И участьем неспроста
Слово «шурин» к слову «деверь»,
Ибо равные места.
И, придуманные ловко,
Могут впрямь свести с ума

Чтоб просыпаться я без страха мог
И чтоб навек запомнил всё родное...
Без этих ольх, что скромно так цвели,
Без этих глин, что в детстве мы месили,
И без любви к углу такой земли
Откуда взяться и любви к России?
Вот почему берёзы для меня,
Да и для всех отзывчивых и чутких,
Белеют всюду, словно письмена
Далёких предков, свёрнутые в трубки.

ЕНЯ

В рябиновой нашей деревне
Легенды в заулках лежат.
Жил пахарь по прозвищу Еня
Здесь лет полтораста назад.
У старого Ени избушка
Косилась в четыре угла.
Её называли вползушка —
Настолько низка и мала.
Ударят ли градины хлёстко,
Качнёт ли поля недород —
Бывало, ему на полоску
Всех более лиха падёт.
Все шишки летели на Еню.
Другой бы на месте его
Свалился давно на колени,
А Еня стоит, ничего.
Лишь с горести ковшик в полпуда
Осушит, достанет кисет
И крякнет: «А жить-то не худо,
Добро, что родились на свет».
... Уж трижды из ёлок из новых
Рубилась деревня с тех пор.
А Енино это присловье
Нет-нет и влетит в разговор.
Мы знаем: живали сильнее,
Покруче его мужики,
А, на тебе — помнится Еня,
И не было вроде других.
А всё объясняется просто:
Такие, как Еня, спроста
Весёлую искорку бросят —

И светится искорка та.
И мы, не без лёгкой причуды,
Кидаем весёлый ответ:
«А жить-то, ребята, не худо,
Добро, что родились на свет!»

АННА

— Сколько детей-то, Анюшка?
— А семь!
— Вроде бы, Анна, и многовато.
— А белого света хватит всем,
Да и теплее, когда ребята...
— Стой же, постой!
— Недосуг сейчас... —
Но раскраснелась от разговора.
Анна была, как сказали б у нас,
Будто бы свежая помидора.
Полем пошла, где желтеет стерня,
Лугом, где в грязь стожары увязли,
Долго метался в глазах у меня
И повлажнел платок её красный.
Вспомнилось детство перед войной:
В каждой избе у нас многолюдство.
Сядем за стол перед чашкой одной —
Ложки, что птицы, дружно несутся.
Мать поутру испечёт каравай,
Кликнет, и сыплемся мы спросонья.
Только ломти успевай подавай
С луком зелёным да крупною солью.
Выросли мы на хлебах простых.
Как это было давно и шумно!..
Тихо теперь. Лужайки пусты —
Всю обошёл деревню большую.
Странное дело: богаче живём,
А малодетнее стала Россия.
...Птичьими кликами, ветром, дождём
Тёплая ширь голосила, просила.
Травы вскипали из-под земли,
И шевелилась она, как живая.
В яростной пене реки текли,
Льдинами даль до морей прошибая.
А березняк поднебесье расшил
Тонким, что кружево, белым узором.

Вся эта хмелем повитая ширь
Полнилась зовом, полнилась зовом.
И вспоминалась Анна опять.
Вот она — будто перед глазами,
Русская женщина, добрая мать.
Как хорошо она мне сказала.
— Сколько детей-то, Анюшка?
— А семь!
— Вроде бы, Анна, и многовато.
— А белого света хватит всем,
Да и теплее, когда ребята.

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Люблю приехать в августе
В ржаную благодать.
Сказать-услышать «Здравствуйте» —
Как земляков обнять,
Как поклониться родине
И на лицо, на грудь
Росистый куст смородины
Друг другу отряхнуть.
Иду я всюду запросто,
В душе коплю зарю.
И встречные мне: «Здравствуйте»,
Я — то же говорю.
И школьники глазастые,
Путь уступая мне,
Смущенно тянут: «Здравствуйте»,
Я — то же ребятне.
И старцы, уж бесстрастные,
Сидят, глядят на свет.
Я кланяюсь им: «Здравствуйте» —
И слышу их привет...
Люблю приехать в августе,
Да дело ведь не в том.
Всегда здесь слово «Здравствуйте»
Овеяно теплом.
И за века не выстыло
И, вея далью той,
Людей связует исстари
Высокой добротой.
Живите, люди, здравствуйте,
Поменьше только хвастайте,
А крепче государствуйте!

* * *

Пятистенок, снегами зажатый,
Тишины накопил для меня.
Приходите, друзья, приезжайте
Ради светлости дня.

Самовар я поставлю весёлый,
Бок бараний с печного огня,
Огурцы золотого засола
Ради светлости дня.

И в сиянии низкого солнца
Мы усядемся, будто родня,
И нальём, что у нас приведётся,
Ради светлости дня.

Обнажим затаённые речи,
Суету от стола отстраня,
Чтоб дышалось и чище, и легче
Ради светлости дня.

И в какой-то хорошей печали,
Чтобы высвежить душу до дна,
Может быть, и споём, что певали,
Ради светлости дня.

Стали годы для нас всё короче,
Торопливее день ото дня,
Но об этом подумаем молча
Ради светлости дня.

СМОТРЮ ОПЯТЬ...

Смотрю опять, как в синеве дремотной
Окошки проступают всё жарчей
И долго наливаются, как соты,
От близкого дыхания печей.
И слышно, как тропа морозно вьётся
И как ведро по холоду плывёт
Весёлое — до самого колодца,
Спокойное — обратно до ворот.
Мать окликает у крыльца кого-то,
Спешит навстречу в тихой полумгле...
Простые, каждодневные заботы
О хлебе, об уюте, о тепле.
И в поисках судьбы, чем эта, ярче,
И мудрости, чем эта, поновей,

1486852
ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Уходим мы решать свои задачи
От чистых речек и ржаных полей.
И чем смелее мы берём высоты,
Тем беззащитней тянут нас к земле
Простые, каждодневные заботы
О хлебе, об уюте, о тепле.

ЖЕРЕБЁНОК

Где ивняк и свеж, и звонок
Вдоль озёрной синевы,
Там родился жеребёнок
В рыжем росплеске травы.
Необсохший, встал и замер.
Встал, дрожа, всего на миг
И огромными глазами
Удивился: как возник?
Головой повёл, но тяжесть
Озарённой головы
Покачнула, и, пугаясь,
Он упал в озноб травы.
Мать — натруженная лошадь —
К жеребёнку подошла.
Гривку ласково ероша,
Стала облаком тепла.
Он затих. Лежал послушно
И вдыхал дурман земли.
В дрёме остренькие ушки
Трепетали и росли.
А потом, как и вначале,
Вздрогнул с гривки до хвоста,
И с передних ног, качаясь,
Он на все четыре встал.
Тонконогий, светло-рыжий,
С белым пятнышком во лбу,
Он стоял в траве недвижно:
Не пытал ещё судьбу.
Лишь смотрел, смотрел на землю
С изумлённой немотой,
И вскипали синь и зелень
В теле радостью тугой.
Слушал птиц и трактор в поле,
Потрясенно замирал,
И поскольку он не помнил —

Ничего совсем не знал.
Ни узды, кнута, ненастья,
Никаких иных времён...
Время всех других прекрасней
То, в котором ты рождён!

КРАСНЫЕ ТУЧИ

Люблю, как надвинутся с кручи,
Столкнутся один на один
Грозы тёмно-синие тучи
И красные тучи рябин.
В кипенье раскатном и грозном
Швыряет разгневанный лес
Охапками крупные гроздья.
В разломы и окна небес.
Рассеются тёмные тучи,
А красные, радуя взгляд,
Ещё ослепительней, жгуче
От молний упавших горят.
Горят над полями, домами,
Над Русью, опять голубой,
Над нашим крыльцом и над нами,
Все годы над нами с тобой.
Над ранней и поздней любовью,
Над песнями прожитых лет,
Над жизнью, над смертью, над болью,
Над теми, кого уже нет.

КУСТ ИВАН-ЧАЯ

Он отраженьем с берега возник.
Река текла, на облаке качая,
Как будто рыбий розовый плавник,
Куст иван-чая.

Нам приглянулось место. Мы легко
Втащили лодку на мысок песчаный,
И встретил нас весёлым костерком
Куст иван-чая.

Палатка зеленела. Дым синел.
За лугом птица странная кричала.
И нам тянул пучок лиловых стрел
Куст иван-чая.

Я лесом, рыбой и травой пропах.
С тобою был как прежде, как вначале,
И трепетал жар-птицею в кустах
Куст иван-чая.

Мы уходили к вянувшим стогам,
И весело за нашими плечами
Узоры вышивал по облакам
Куст иван-чая.

Когда же день за ельниками тух,
Взлетал, туманы белые встречая,
Как будто красный молодой петух,
Куст иван-чая.

ТРИ ЛЕТА

Со мной ли это было? Да, со мной.
Пылало лето широко и жарко
И колесом ромашки золотой
Катилось мимо окон по лужайкам.
Мы шли в леса. А в них, как жёлтый зной,
Тянулась к нам сомлевшая морошка.
А над морошкой тенью грозовой
Плыла черника на зелёных ножках.
Ватажные, не знали мы забот,
Драчливые, не ведали мы тягот.
И это лето в памяти встаёт
Большой корзиной самых спелых ягод...

Со мной ли это было? Да, со мной.
Стихает город, будничен и жарок,
И я иду в рубашке голубой,
По-деревенски сшитой для гулянок.
А я лечу в студенческий приют —
В барачный дом, оцепленный мостками,
В котором однокурсницы живут,
И к ним лишь комендантша пропускает.
В дежурке за любовь я постою,
И злую комендантшу одолею,
И солнечную девушку свою
Вновь уведу в кленовую аллею.
Весёлые, мы выйдем из ворот,
Счастливые, куда, не знаем сами.
И это лето в памяти встает
Её большими серыми глазами...

Со мной ли это было? Да, со мной.
Гремело лето и сверкало грозно,
И на могучей на волне ржаной,
Как лилии, качало ночью звезды.
Нам наконец-то было всё дано:
И радуга в свеченье мокрых красок,
И сети, уплывавшие на дно,
И сладкий дым, тянувшийся от пасек.
Солидные, мы грелись про запас,
Серьёзные, пеклись в траве нагретой,
И этим летом с грустью в первый раз
Мы вспоминали прежние два лета.

* * *

Мне опять покой неведом —
Журавли кричат вдали,
Захлебнулись реки небом,
Небом блещут колеи.
Сапоги мои мерцают
Тоже в небе до колен.
Голубыми бубенцами
Я пленён — и сладок плен,
...Сердце хочет перемен.

Березняк, ещё безлистый,
С изумлением притих
В воркованье, пенье, свисте,
Будто в кольцах золотых.
Он слепит и сам же слепнет,
Отрываясь от бугра,
И висит он в ухе неба,
Как серьга из серебра.

...Сердцу хочется добра.
Ветка к ветке, птица к птице,
И зерно летит к зерну.
Тосковать мне и томиться
И тебя искать одну.
Дни бродить, не спать ночами,
Позабыть года свои —
Только было б, как вначале,
Ну, откликнись, позови!
...Сердце стонет от любви.

ТЕТЕРЕВ

Он только это запомнил:
Споткнулся о что-то с разбега,
Не зная, что это ладони,
Ладони доброго человека.
И только тогда поверил,
Что с ним случилось неладно,
Когда озябшие перья
Кто-то тепло разгладил.
Он так и замер от страха
И сунулся в кипень снега,
Не зная, что это рубаха,
Рубаха доброго человека.
Звенели по насту лыжи,
Визжали на поворотах,
И он над собою слышал:
Ругал человек кого-то.
И вот, озарённый светом,
Он ринулся в тень неловко,
Не зная, что печка это,
А не старая ёлка.
Ему человек в охапке
Наваливал веток к ночи,
Где много влажных и сладких,
Пахнущих лесом почек.
А вскоре ранью белесой,
Когда на озера окон
Заря потекла из леса
Подснежным клюквенным соком,
Он крылья раскинул натужно,
Почуяв снова здоровье,
И красными полукружьями
Затрепетали надбровья.
И шея зобом набухла,
И рябь прокатилась шеей,
И что-то забулькало глухо,
Потом всё гуще, слышнее —
И вот поплыла из окошка,
Пугая старух суеверных,
Тоскливая песня терёшки
Над всею сонной деревней.
Он вспомнил рассвет, и ельник,
И отклик, ему понятный,
И то, как черкал соперник

Крыльями снег примятый.
И всё, что было когда-то,
Вновь волновало душу...
А человек на кровати
Сидел одиноко и слушал.

СТАРИК И СТАРУХА

Так гуляют рыбьи стаи,
Что кипит река — рыбачь!
И старик кольчуги ставит
С ожиданием удач.
И своей жене с улыбкой
Говорит, придя с реки:
— Угощу я свежей рыбкой,
Завтра рыбники пеки. —
На заре, дрожа от счастья,
Он кольчуги достаёт.
Серебрятся рыбой снасти,
Будто в них накрошен лёд.
Груз тяжёл — легка дорога.
Он спешит к старухе — на!
— Фи, да это же сорога, —
Тычет пальчиком жена.
— А сорога — что — не рыба? —
Усмехается слегка,
Но усталость, будто глыба,
Сразу давит старика.
Поутру уходит в холод,
Новой мыслью озарён.
Как в былые годы, молод,
Достает кольчуги он.
Набирает понемногу
Крупных рыбин наперёд.
Не берёт уже сорогу,
Лишь налимов он берёт.
Груз тяжёл — идёт счастливый,
Говорит старухе: на!
— Фи, да это же налимы, —
Тычет пальчиком жена.
— А налимы — что — не рыба? —
Он срывается на крик,
И от этого надрыва
Чуть не валится старик.

Петухи зарю пропели.
Вновь к реке идёт рыбак,
Без азартной канители
Снасти тянет кое-как.
Рыба блещет светлым ливнем,
Перья красные горят.
И старик, опять счастливый,
Кличет с удочкой ребят.
Те бегут весёлой ратью.
Он глядит на них и рад.
Сыплет рыбу — забирайте,
Забирайте всю подряд!..
Тропка зеленью сверкает,
Вьётся медленно она.
Подперев бока руками,
У порога ждёт жена.
— Недосуг мне с тестом мешкать,
Где же рыба, черт такой?
Отвечает он с усмешкой:
— В магазине, за рекой.

КАК ВО СНЕ...

Тридцать соток земли
Средь огромной России...
Их метели скребли,
Их дожди возносили.

Где и сила бралась,
Если экая малость!
Вся крестьянская власть
В тридцать соток сжималась.

Старый дом со двором,
Клин картошки да гряды,
Да рябины кругом
Для минутной отрады.

Тридцать соток земли...
Их, родных, нам хватало,
Чтобы выжить могли.
Разве этого мало?

А народ всё скудел,
Как во сне онемелом.
В тридцать соток надел
Становился уделом.

Что ж ты, милая мать,
Смотришь в землю устало?
Чтоб тоску закопать,
Разве этого мало?..

И дивлюсь я теперь,
Глядя в страшные дали,
Как, не числя потерь,
Мы тогда устояли?

Как же нам, чёрт возьми,
Сил и духа хватало
Оставаться людьми?
Разве этого мало?

* * *

И было то, и это было...
Да, всё бывало на Руси.
Спроси великие могилы
И безымянные спроси.
Читаю древние страницы —
Они теперь мне всё нужней —
И вижу лица, лица, лица
Обеспокоенных мужей.
Век золотой, в каком он веке,
В каких же насыпях следы?
Во все века врагов набеги,
И ратоборство, и труды.
И в стольном Киеве когда-то
Не ради княжеской тщеты
Висели в золотой палате
Мечи, шеломы и щиты.
И сотни раз всходили травы,
Но средь и нынешней травы,
Как городских твердынь оправы,
Валы и рвы, валы и рвы.
И мировые поединки
Не столь далёких, грозных лет.
На стенах снимки, снимки, снимки
Окопный след, траншейный след.
Какие были потрясенья!
А что там, что там — впереди?
Всем существом — веками всеми —
Ты, русский человек, гляди.

ПЛЯСКА

И откуда взялась такая!
Только вышла она на круг —
И гармошка ахнула вдруг
И застыла в руках, немая.
Но только — на мгновение.
И, волю дав ладам,
Восторг и удивление
Ей бросила к ногам.
До чего ж стройна,
До чего ж бела,
До чего ж красива!
Ветер в косы заплела
И летит-дробит она.
Загляделось полсела —
Диво!
«Не спою, как соловей,
Спою, как соловьиночка.
У высоких тополей
Послушай, ягодиночка!»
Запоёт — так не случайно:
Каждой песне адрес даст
В каждой песне — сердца тайна,
Разгадайте, кто горазд!
Гармонист, бывалый парень,
Уж на что сердец знаток,
Только щурился, вздыхая,
Разгадать никак не мог,
Для кого поются песни,
Для кого румянец щек?
Может, ей одной известно,
Да известно ли еще?!

ЧЕРЁМУШКА

Стоит, теплом обласкана,
Лесной, душистой сказкою
У самого солнышка
Роскошная черёмушка.
Берёзкам ли дивиться бы:
Ведь сами белолицые,
Форсистые да чистые —
И то косятся издали.
А ольхи неопрятные

Стыдливо ноги спрятали,
Застыли, словно золушки,
Вокруг черёмушки
И тоже удивляются:
«Какая красавица!
Откуда же, откуда же
На ней такое кружево?
И как на этой сырости
Могла такая вырасти?!»

* * *

(Отрывок из поэмы «Три зари»)

Первых вёсен побережье
Будто в дымке голубой.
Там румянцем детским брезжит,
Там глядит из сказок прежних
Робко первая любовь.
Робкий взгляд взойдёт очами
Над дорогою любой —
Мир предстанет изначально,
Вспыхнет радугой венчальной,
В песню сложится любовь.
Стает радуга, а солнце
Утвердится над судьбой.
Чистым плеском из колодца,
Детским криком обернётся,
В праздник вырастет любовь.
Грянут грозы и утраты,
И к сердцам подступит боль —
Слёзы высушит утрами,
Словом скажется отрадным
И разделит хлеб любовь.
Зим последних побережье
Издалёка студит кровь.
Но таит тепло, как прежде,
Но глядит с дороги снежной
Снова сказкою любовь...
Крепок духом тот, кто любит,
Встретив жизни круговерть.
Ведь не зря сказали люди:
Лишь один соперник лютый
У любви на свете — смерть.

Лишь любовь, сердец касаясь,
Свет возносит красоты,
Лишь она — тщете на зависть,
Светит прелестью красавиц
Сквозь обычные черты.
И великим жизнетворцем,
Не давая в грязь упасть,
Сквозь соблазны мира рвётся
Страсть, пронизанная солнцем, —
Возвышающая страсть!

ДУРАКИ ПОТЕШИЛИ НАРОД

Дураки потешили народ,
Хоть того не понимали сами.
И вжигались горькими глазами
В тех, кто их обидно обзовет.
Где-нибудь в деревне на краю,
Не свыкаясь ни с хулой, ни с ложью,
Жили, словно шли по бездорожью,
Каждый на особину свою.
То топорик, то пастуший кнут,
То сума, а то, бывало, дудка,
Одежонка рваная, обутка —
А они пророками идут.
Что ни скажут – всё-то напрямки,
Спляшут ли, споют ли – всё не к месту.
Ну, толпа и тешится... Известно,
Кой-кому по нраву дураки.
Явятся – гони, хоть не гони,
Сдуру лезут на рожон без страху,
Отдадут последнюю рубаху –
Вот какие были!.. Где ж они?
Умерли в деревне дураки
Или, может быть, переселились –
Только нету их... Скажи на милость,
До чего ж теперь умы крепки!

ГЕРАСИМ

Изначальная Вологда
Над рекою взросла.
Из секиры и молота,
Топора и весла.

У монаха Герасима
Крест потел на груди:
Что ни ель, то орясина —
В небо храм возводи!

Он с мужицкой упрямостью
Выбивался из сил
И с молитвенной радостью
Подвиг свой завершил.

Вот по зареву красному
Выплыл с церковки звон.
Шли молиться к Герасиму
Люди с разных сторон.

Осенял их двуперстием
И молиться учил.
И в оконца божественно
Проливались лучи.

Стихли черти и лешие,
Освятились пути.
По всему побережию
Стали избы расти...

Так и ширилась смолоду
Над рекой слобода,
Чтобы вырасти в Вологду
Для молитв и труда.
Грозный царь, озабоченный
Смутой в стольной Москве,
Здесь царёвою вотчиной
Бредил в грозной тоске.

И собор пятикупольный
Засиял в облаках...
Здесь, никем не подкупленный,
Жил Герасим — монах...

Мы не ценим прекрасное,
Что до нас свершено,
И о мудром Герасиме
Позабыли давно.

Жизнь не помня бывалую,
Нам и правды не знать...
Хоть бы улочку малую
В честь монаха назвать.

* * *

Как услышу я знакомый говорок:
«Наша Вологда — хороший городок!»
Словно ветерком обдует сердце,
Тёплым, чистым, хвойным ветерком,
И от грусти никуда не деться:
Жалко расставаться с земляком.
Как да что там? — на ходу вопросы,
А перед глазами — всё одно:
Улочка, снега, рассвет морозный
И твоё кудрявое окно.
Будто бы деревья, над домами
Стынет дым, белес и недвижим.
А деревья вдоль посадов сами
Цепенеют, словно дым.
Ты проходишь в этот час под ними,
Задеваешь ветки невзначай,
И пушится, как бывало, иней
Горностаем на плечах...
Почему-то вижу только это,
Слушая рассказы земляка
О кварталах, выросших за лето,
О домах, глядящих свысока.
Видно, так порой бывает с нами:
Спрашиваем мы про города,
Слушаем, дивясь, а вспоминаем
В них кого-то близкого всегда.
Так и я — вот задаю вопросы,
Ну, а сам — в далёком далеке...
Вологда моя светловолосая
С искоркой-снежинкой на щеке!

* * *

Умываюсь туманами севера,
Поднимаюсь легко на бугры,
И мне под ноги катятся клевера
Фиолетовые шары.
А заря, словно красная мельница,
Мне опахивает лицо.
Горизонт уплывает и светится,
Как берёзовое кольцо.

В спелой ржи, будто вытканы, вышиты, —
То возникнут, то пропадут —
Голубеют старинными крышами
Деревеньки и там и тут.
Здесь моя деревянная отчина.
Пусть я житель и городской,
А душе, кроме всякого прочего,
Позарез нужен край такой.
Не из тех я прохожих нечаянных,
Что заглянут на ночь одну
И у вдов, умудрённых печалями,
Ищут старую старину.
И хозяйки в домах удивляются:
Было время — просили кусок,
А теперь — то икону, то пряслицу,
То ручного тканья поясок.
И в цене не стоят — лишь скажите им,
Но теряются бабы тут:
Нет цены оценить пережитое,
И задаром всё отдают.
Мне ж чего покупать, если родиной,
Стариной её, новизной
Существо мое переполнено,
Будто небо голубизной.
Всё волнует: и травы шумные,
Свет реки и тень камыша.
Здесь опять невольно подумаю:
Что ж такое это — душа?
Не приёмник с чувствительной силою,
Чтоб включить и настроить мог,
Не берёзовый лист, не осиновый,
Не старинный какой кузовок.
А поёт, и грустит, и дрожит она,
И я думаю неспроста,
Что душа — глубина пережитого,
Непрожитого высота.

23.09.17 – СКБ
04.08.2020 ОЗР

30-01

Пятистенок, снегами зажатый,
Тишины накопил для меня.
Приходите, друзья, приезжайте
Ради светлости дня.

Самовар я поставлю весёлый,
Бок бараний с печного огня,
Огурцы золотого засола
Ради светлости дня.

И в сиянии низкого солнца
Мы усядемся, будто родня,
И нальём, что у нас приведётся,
Ради светлости дня.

Обнажим затаённые речи,
Суету от стола отстраня,
Чтоб дышалось и чище, и легче
Ради светлости дня.

И в какой-то хорошей печали,
Чтобы высвежить душу до дна,
Может быть, и споём, что певали,
Ради светлости дня.

Стали годы для нас всё короче,
Торопливее день ото дня,
Но об этом подумаем молча
Ради светлости дня.